

Содержание

Пролог	5
<i>Часть первая. Неправильный рыцарь.</i>	9
<i>Часть вторая. Зимние забавы</i>	96
<i>Часть третья. Жизнь в повтор</i>	191
<i>Часть четвертая. Клоны и тираны</i>	275
Эпилог	378

Пролог

В тот день мои родители воспользовались своим конституционным правом на смерть.

Я ничего не подозревал. Понимаю, что в это трудно поверить, но до самого конца у меня и мысли не было, что родители сдались. Отца уволили с работы больше года назад, его пособие кончилось, но мама продолжала работать на Третьих Государственных копиях. Я не знал, что Третьи Государственные давным-давно на грани банкротства и зарплата погашается рисом — который я ненавидел, и оплатой квартирных счетов — о которых я вообще никогда не вспоминал. Но так жили многие, и в школе трудно было найти ребят, у которых и мать, и отец имели работу.

Я пришел из школы. Бросил планшетку на кровать, а потом тихонько заглянул в гостиную, откуда звучала музыка.

Первое, что я подумал, — отец нашел наконец работу. Мама и папа сидели за столом, застеленным белой скатертью, посредине стола горели свечи в старинном хрустальном подсвечнике, который доставали только на дни рождения и Рождество. На тарелках были остатки еды — настоящей картошки, настоящего мяса, и я уж никогда не поверю, что папа не съел бы двух полных тарелок, перед тем как не доесть третью. Стояла полупустая бутылка водки, причем настоящей, и почти пустая бутылка вина.

— Тикки! — сказал отец. — Быстренько за стол!

Меня зовут Тиккирей. Это очень звучное имя, но чертовски длинное и неудобное. Мама иногда зовет меня Тик, а отец — Тикки, хотя, по-моему, проще им было тринадцать лет назад выбрать другое имя. Хотя с другим именем — это уже был бы другой мальчишка.

Я сел, ничего не спрашивая. Отец очень не любит расспросов, ему нравится рассказывать новости самому, даже если надо всего лишь сообщить, что мне купили новую рубашку. Мама молча положила мне гору мяса с картошкой и поставила рядом с тарелкой бутылку моего любимого кетчупа. Так я и слопал всю тарелку, в полнейшее свое удовольствие, прежде чем папа развеял мое заблуждение.

Никакой работы он не нашел.

Для людей без нейрошунта сейчас вообще работы нет.

Надо ставить шунт, но у взрослых это очень опасная и дорогая операция. А маме не платят денег, и, значит, им нечем даже оплачивать жизнеобеспечение, а я ведь прекрасно понимаю, что на нашей планете можно жить только под куполами.

Так что нас должны были выселить из квартиры и отправить во внешнее поселение, где обычные люди могут прожить год или два — если очень повезет.

Поэтому они с мамой воспользовались своим конституционным правом...

Я сидел словно каменный. Ничего не мог сказать. Смотрел на родителей, ковырял вилкой остатки картошки, которые только что перемешал с кетчупом, превратив в бурю кашу. Ну люблю я все заливать кетчупом, хоть меня за это и ругают...

Сейчас меня никто не ругал.

Наверное, надо было сказать, что лучше мы все вместе отправимся в поселения и будем очень старательно проходить дезактивацию, возвращаясь с рудника, и проживем долго-долго, а потом заработаем денег достаточно, чтобы снова купить пай в куполе. Но у меня не получалось это произнести. Я вспоминал экскурсию на рудник, которая у нас однажды была. Вспоминал людей с серой кожей, покрытых язвами, которые сидели в древних бульдозерах и экскаваторах, вспоминал, как один экскаватор повернулся и поехал из карьера навстречу нашему школьному автобусу, помахивая ковшем. А из кабины улыбался «крокодильей пастью», которая у всех облученных появляется, экскаваторщик... Он, конечно, просто попугать хотел, но девчонки завизжали, и даже мальчишкам стало страшно.

И я ничего не сказал. Совсем ничего. Мама то начинала смеяться и целовала меня в макушку, то очень серьезно объясняла, что теперь мой пай на жизнеобеспечение продлен на семь лет, я успею вырасти, получить профессию, а нейрошунт у меня очень хороший, они тогда здорово зарабатывали и не поскупились, так что с работой проблем не будет. Главное, чтобы я не связался с дурной компанией, не стал жрать наркоту, был вежливым с учителями и соседями, вовремя стирал и чистил одежду, подавал прошения на муниципальные продуктовые карточки.

Она заплакала только тогда, когда папа сказал, будто почувал мои колебания, что переменить уже ничего нельзя. Они подали заявку на смерть, выпили специальный препарат, поэтому им и выдали «прощальные деньги». Так что даже если родители передумают, они все равно умрут. Только тогда мне не продлят пай на жизнеобеспечение.

Есть мне больше не хотелось. Совсем. Хотя было еще мороженое, и торт, и конфеты. А мама шепнула на ухо, что из «прощальных денег» они оплатили мне день рождения на семь лет вперед. Специальный человек из социальной службы будет выяснять, какой мне нужен подарок, и покупать его, и приносить его в день рождения, и готовить праздничный ужин. Наша планета и впрямь бедная и суровая, но социальные службы у нас развиты не хуже, чем на Земле или Авалоне.

Мороженое я все-таки съел. Мама смотрела так умоляюще и жалобно, что я хоть и давился, но глотал холодные сладкие комки, пахнущие клубникой и яблоками. Потом мы, как обычно, прочитали молитву и пошли спать.

В Дом Прощаний родителям надо было идти рано утром. Если они задержатся до полудня, то тоже умрут, но тогда им будет больно.

Я пролежал часов до трех ночи, глядя на часы. Робот-трансформер, в виде которого были сделаны часы, сурово сверкал глазами, помахивал руками, переступал на месте, а иногда начинал водить по комнате тонкой спицей «лазерного меча». Мама всегда ворчала, что невозможно спать в комнате с «такой ерундой», но отключить робота не требовала. Она же помнила, как я радовался, когда в восемь лет мне подарили эти часы.

И только когда я понял, что думаю о родителях в прошлом времени, будто они уже мертвы, я вскочил, распахнул дверь и бросился к ним в спальню. Я не маленький. Я все понимаю. И что взрослые, даже если они родители, могут ночью делать, прекрасно знаю.

Только я больше не мог один.

Я бросился на кровать между мамой и папой. Уткнулся маме в плечо и заплакал.

Они ничего не стали говорить. Ни мама, ни папа. Просто обняли меня, стали гладить. Вот тогда я и понял — сразу, что они живые. Но только до утра. Я решил, что спать сегодня не буду, но все равно заснул.

Утром мама собрала меня в школу. И сказала, что я обязательно должен пойти на занятия. Провожать их не нужно. Долгие проводы — лишние слезы.

А папа заговорил, только когда они выходили из дверей:

— Тикки...

Он замолчал, потому что у него было слишком много слов и слишком мало времени. Я ждал.

— Тикки, ты поймешь, что это было правильно.

— Нет, папа, — сказал я.

Надо было сказать «да», но я не смог. Отец улыбнулся, но как-то очень тоскливо, взял маму за руку, и они вышли.

Конечно же, я их проводил. Издалека, чтобы они меня не видели. Мама очень часто оборачивалась, и я понял, что она меня чувствует. Но не стал показываться, я ведь обещал не провожать.

Когда они вошли в Дом Прощания, я постоял немного, пиная стену муниципалитета. Не в знак протеста, а потому что муниципалитет стоит напротив, через проспект Первопроходцев.

Потом я повернулся и пошел в школу. Потому что обещал.

Часть первая

НЕПРАВИЛЬНЫЙ РЫЦАРЬ

Глава 1

Очень — это очень красиво.

Я лежал на гладкой каменной плите, которая как-то случайно не попала на стройки, а оказалась на берегу реки, и смотрел в небо. Над куполом бушевала буря. Солнце было маленьким и багровым, потому что песок шел стенами. Поселенцам сейчас очень тяжело. У них и уровень радиации поднялся, и песок проползает в любую щель, потому что он тонкий, как пыль. Дисперсный.

— Тики-Тики!

Я повернул голову, хоть и знал, кто это. Только Дайка называет меня Тики-Тики. С первого класса. Вначале это была дразнилка, а сейчас, по-моему, уже нет.

— Ты на что смотришь?

— На корабль, — соврал я. Корабль в небе и впрямь был. Наверное, рудовоз со второго порта. Он пер через бурю, пока еще на плазменниках, и за ним стлался оранжевый шлейф с протуберанцами вторичных разрядов. Ничего красивого. Буря сама по себе гораздо интереснее.

— Красивый корабль, — изрекла Дайка. И вытянулась рядом со мной, так что пришлось подвинуться. На ней был новый купальник, полный, как у взрослой. Фу-ты ну-ты. — Я бы хотела быть пилотом.

— Ага, — сказал я. — Замороженной ледышкой ты бы была.

Дайка какое-то время помолчала, а потом сказала:

— А какая разница? Ты тоже пилотом не станешь.

— Захочу — стану, — ответил я. Дайка мне мешала, она слишком настырно возилась рядом и никак не хотела понять, что мне сейчас никто не нужен. Совсем никто.

— Знаешь, сколько стоит выучиться на пилота?

— Много.

— Ты никогда столько не заработаешь.

— Повезет — заработаю, — не выдержал я. — А вот ты точно никак не сможешь стать пилотом. У тебя нет игрек-хромосомы. Тебя в гиперере можно только как груз возить. За мороженную, со льдинками на глазах.

Дайка вскочила и молча ушла. Зря я с ней так, конечно. Она больше мальчишек о космосе мечтает. Вот только у нее и впрямь нет игрек-хромосомы, а значит, когда космический корабль войдет в гиперпространство, она умрет. Если не будет лежать в анабиозе, конечно. Со льдинками на глазах...

Зачем я про эти льдинки ляпнул? Нет там никаких льдинок, нас же учили... Всю воду из тела удаляют, точнее, связывают с глицерином и каким-то полимером...

— Дайка! — крикнул я, привстав на локтях. — Дайка!

Но она шла не оборачиваясь.

Тогда я снова растянулся на каменной плите и посмотрел на исчезающий след корабля. Гиперпространственный канал, через который корабли летают между звездами, у нас близко. Через час корабль в него нырнет и повезет руду на промышленную планету. А потом, может быть, к другим, интересным мирам. Конечно, никогда мне столько не заработать, чтобы выучиться на пилота.

Если я и смогу полететь в космос — то только частью компьютера. «Мозгами в бутылке», как это презрительно называют.

Только ведь все равно так тоже летают. И иногда потом зарабатывают достаточно, чтобы стать настоящим пилотом. Я повернулся и бросил подвернувшимся камешком в плечо Глеба, который загорал неподалеку. Он меня и приволок на речку, потому что считает осенний загар самым здоровым и правильным. Глеб поднял голову с полотенца и вопро-

сительно посмотрел на меня. То ли вообще мой разговор с Дайкой не слышал, то ли не придавал ему значения.

И я объяснил ему, что собираюсь сделать.

Глеб сказал, что я кретин. Что подключение к компьютеру в режиме «расчетного модуля» выжигает нейроны, гасит волю и оупляет. Что проще пойти в Дом Прощаний, хоть какая-то польза государству...

Тут он заткнулся, потому что вспомнил про моих родителей. Но я не обиделся. Только ответил, что многие великие пилоты начинали с того, что летали на кораблях «модулями». Надо лишь вовремя уволиться, и все. И если уж рисковать, то именно в нашем возрасте, пока мозг пластичен и еще развивается. Тогда всё компенсируется.

Глеб снова сказал, что я кретин. И вытянулся под тусклым оранжевым солнцем. Я тоже замолчал и лежал, глядя в небо. У нас оно оранжевое, даже когда тихий сезон. На Земле и Авалоне голубое. А бывает еще зеленое, темно-синее и желтое. И облака не обязательно состоят из песка, могут и из водяных паров. Только если остаться на Карьере, то этого не увидишь.

Я вдруг понял, что все очень просто. Что никакого выхода у меня нет. Не могу я здесь жить, не хочу и не буду.

Социальный чиновник нашего квартала была женщиной. Может быть, поэтому она так на меня уставилась, когда я объяснил, что хочу наняться на корабль расчетным модулем. И смотрела очень долго, будто ожидала, что я покраснею, отведу взгляд и заберу со стола документы. Но я сидел и ждал, так что ей пришлось открыть папку.

С документами все было в порядке. Выкуп государству за право работы в космосе я мог уплатить своим паем на жизнеобеспечение и квартирой, которую родители переписали на меня. Три комнаты по восемь квадратных метров, кухня и санитарный блок... мои родители когда-то и впрямь хорошо зарабатывали. Обязательный образовательный минимум я получил. Соседи по дому написали мне очень хорошие рекомендации: наверное, рассчитывали поделить квартиру между собой.

— Тиккирей, — негромко сказала чиновница. — Работа расчетным модулем — это самоубийство. Ты это понимаешь?

— Да. — Я заранее решил, что спорить не буду и объяснять ничего — тоже.

— Ты будешь лежать в коме, а твой мозг — прокручивать потоки информации! — Она завела глаза в потолок, будто ей самой воткнули в нейрошунт кабель с потоком информации. — Ты будешь взрослеть, потом стареть, просыпаться на несколько дней раз в месяц, а твое тело — стариться. Понимаешь? Это словно прожить не сто лет, как все люди, а в двадцать раз меньше. Представляешь, Тиккирей? Тебе осталось жить пять лет!

— Я поработаю лет пять или десять, потом уволюсь и выучусь на пилота, — сказал я.

— Да не уволишься ты! — Чиновница в сердцах шлепнула папкой об стол. — Тебе этого уже не захочется! Твои мозги разучатся чего-то хотеть!

— Посмотрим, — ответил я.

— Я ничего не подпишу, Тиккирей, — заявила чиновница. — Забирай свои документы и отправляйся в школу. Твои родители так о тебе позаботились, а ты...

— Вы не имеете права не подписывать, — сказал я. — Вы сами это прекрасно знаете. Если я выйду без подписи, то пойду в городскую социальную службу и подам на вас жалобу. За необоснованный отказ в выдаче разрешения у вас снимут пай жизнеобеспечения за полгода или за год. Нельзя нарушать закон!

Лицо женщины пошло красными пятнами. Она ведь и впрямь думала, что знает, как мне лучше.

— Подготовился? — поинтересовалась она.

— Конечно. Я всегда готовлюсь.

Чиновница снова раскрыла папку и стала подписывать бумаги. Чирк, чирк, чирк...

— В восьмой кабинет, там поставят печать и снимут копию, — сухо сказала она, возвращая бумаги.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Счастливых пяти лет, мозги в бутылке... — ядовито прошипела она.

Я не обиделся. Может быть, когда-то, как и Дайка, она сама мечтала летать в космос.

Конечно, на нашу планету не летают интересные космические корабли. Ну что у нас делать богатым туристам или военным? Раз в полгода заходит пассажирский лайнер, который следует до самой Земли, но у него экипаж наверняка укомплектован. Зато грузовики ходят каждый день. А на каждом грузовике, даже самом маленьком, должно быть десять — двенадцать расчетных модулей помимо основного экипажа.

Так что я взял немного денег: и остатки того, что выдали родителям, и свои капиталы, и даже набор антикварных монет, оставшийся от бабушки, — он на самом деле мало чего стоил, но монеты имели хождение. И отправился в космопорт. Вначале подземкой, из жилого купола в технический, а оттуда автобусом, через открытое пространство. Никто не обращал на меня внимания — может быть, думали, что я еду к родителям, работающим где-нибудь в порту.

Когда автобус остановился у гостиницы, я расплатился и вышел.

У нас, на Карьере, нет своего космофлота, нет и каких-то агентств по найму. Поэтому когда капитанам кораблей нужны расчетные модули, они просто идут в бар при космопорте и там ждут за кружкой пива. Я это слышал от взрослых, видел в новостях и теперь хотел попытаться удачи сам.

Бар оказался вовсе не таким роскошным, каким выглядел по ти-ви. То есть да, там была и стена с автографами знаменитых пилотов, и кусок обшивки боевого корабля Империи, и стойка с инопланетными напитками, которые стоили совершенно безумных денег. Только все это было какое-то маленькое, и народу в баре оказалось человек десять. А я-то думал, что бар будет огромный, не меньше спортивного зала в школе...

В полутьме, сквозь которую плыли красивые голографические мороки, я прошел к стойке. Глянул на цены и обомлел. Стакан лимонада здесь стоил дороже, чем двухлитровая бутылка в магазине. Но деваться было некуда. Я достал самую крупную купюру из тех, что у меня были, купил кружку имбирного пива, забрал сдачу и забрался на высокий крутящийся стул.

Бармен — совсем молодой парень с радионасадкой в шунте — с любопытством разглядывал меня. Потом покосился

на кофеварку — та зашипела и выдала ему чашку одуряюще пахнущего кофе.

— Извините, здесь есть капитаны кораблей? — спросил я.

— А, — сказал бармен. — Как же я не понял сразу... Нет, парень. В порту сейчас всего два рудовоза, и один уже в предстартовом отсчете.

— Скоро взлетает? — солидно спросил я и отхлебнул пива. Вкусное.

— Через пару минут, ты услышишь. Если хочешь, я выведу картинку.

— Что я, старта не видел? А как мне найти второго капитана?

— Хочешь наняться в расчетные модули?

Он не стал говорить про «мозги в бутылке» и поэтому сразу мне понравился.

— А как вы узнали?

Бармен усмехнулся:

— Что еще может делать подросток в этом баре? Пить имбирное пиво, которое стоит больше, чем обед в городском кафе? Тебе не капитан нужен, дружок. Капитаны нанимают настоящих космонавтов, модулями занимается старпом.

— Расчетные модули — тоже члены экипажа.

— Да, примерно как моя кофеварка. Хочешь кофе? Я угощаю.

Кофе мне хотелось, но я покачал головой. Парень посмотрел на меня, потом пожал плечами:

— На мозги капать не стану, они тебе еще понадобятся.

Какой у тебя нейрошунт?

— Креатив-гигабит.

Кажется, он удивился.

— Да, неплохо. И все документы ты собрал? И родители подписали разрешение?

— Родители воспользовались конституционным правом. Неделю назад.

— Ясно. — Он отставил чашку. — Вон там, в углу, под железякой...

К прославленному сегменту брони имперского крейсера у него никакого уважения не было.

— Ну? — спросил я.

— Мужик, который хлещет водку, — старпом второго грузовоза. Поставь ему выпивку, так положено. И предложи свои услуги.

Я сразу покосился на прейскурант, но бармен вдруг накрыл его рукой.

— От кофе ты отказался, так что... Просто махни мне рукой, я подам.

— Спасибо, — пробормотал я. Цены на спиртное я успел заметить: если бы пришлось платить, то у меня бы не хватило даже на обратную дорогу.

— За такое не благодарят. Если уверен, что прав, то иди.

— Спасибо, — упрямо повторил я.

Бар вдруг мягко толкнуло. Сквозь затемненные окна пробилось красное сияние. Старпом за угловым столиком поднял рюмку, будто чокаясь с кем-то невидимым, и залпом выпил.

— С перегрузом пошел, на маршевых, — заметил бармен. — Ладно, решай, парень.

Я соскочил со стула и пошел к старпому. Мне не то чтобы было страшно — в конце концов, я готов был ездить сюда каждый день... но не станет же добрый бармен помогать мне каждый раз. Очень не хотелось упустить такую удачу.

Старпом поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Перед ним стояла почти пустая бутылка, папа никогда бы столько не выпил. А космонавт даже не казался пьяным. Ему было лет сорок, и ничего особенного во внешности не было. Ни шрамов, ни космического загара, ни искусственных органов.

— Добрый вечер, — сказал я. — Разрешите вас угостить?

Некоторое время старпом молчал, потом пожал плечами:

— Угощай.

Я махнул бармену рукой, и тот с совершенно серьезным непроницаемым лицом кивнул в ответ. Поставил на киберподнос две полные рюмки и отправил его через зал. Маленький гравитатор подноса мигал оранжевым — видно, разрядился. Но поднос долетел до столика благополучно, даже увернулся от руки какого-то типа, который с хохотом потянулся за рюмкой.

Только когда я снял обе рюмки, я сообразил, что мне тоже придется пить. Раньше я пробовал лишь хмелевое пи-

во и шампанское. Но шампанское так давно, что даже не помню, а пиво мне не понравилось.

— Сильно трянуло при старте, не находишь? — сказал вдруг старпом.

Я вспомнил слова бармена и ответил:

— На маршевых пошел. С перегрузом.

— А ты не дурак, мальчик, — удовлетворенно заметил старпом. — Давай, за удачный гипер...

Он выпил залпом, даже не поморщившись. Я вспомнил, как пил водку отец, задержал дыхание и одним глотком влил ее в себя.

И тут же торопливо запил имбирным пивом. Получилось совсем неплохо. Нос защекотало резким запахом, и в глотке стало горячо. А так — нормально.

— Ого, — сказал старпом. — Ладно, теперь говори, что тебе нужно?

— Я хотел бы предложить свои услуги в качестве расчетного модуля, — выпалил я.

— Какой шунт?

— Креатив-гигабит.

— На потоковый режим тестировался?

— Восемьдесят четыре с половиной.

Старпом почесал подбородок. Плеснул себе водки, потом покосился на меня. Я кивнул, и он налил половину рюмки и мне.

— У тебя есть разрешение?

— Да. — Я полез в карман, но космонавт покачал головой:

— Не сейчас... Все схвачено, все улажено, все разрешения, верю... Зачем оно тебе?

— Я не хочу здесь жить, — честно ответил я.

— Если бы ты сказал, что жить без космоса не можешь, я бы тебе всыпал ремня, — непонятно выразился старпом. — Но здесь жить... да, я бы тоже не хотел... Ты хоть представляешь себе, что такое — расчетный модуль?

— Это подключение мозга в режиме потоковой обработки данных, позволяющее осуществлять навигацию в гиперпространстве, — отчеканил я. — Поскольку быстроедействие электронных вычислительных систем падает прямо пропорционально скорости корабля при превы-